Библиотека ООН
310
37

ОРЕНБУРГСКІЕ АРХІЕРЕИ XVIII-ГО ВѢКА.

Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи Выпуски VII и X Оренбургъ 1903 г Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ Изслѣдованіе Николая Чернавскаго (съ рисунками и портретами)

Этотъ трудъ Н. Чернавскаго заслуживаетъ всякой похвалы. Тутъ полная картина церковной жизни Оренбургскаго края. Жаль только, что сочинитель слишкомъ снисходительно отнесся къ духовнымъ властямъ добраго прежняго времени и не коснулся бытовыхъ сторонъ владычняго міра Оренбургской епархіи. Онъ въ приложеніи лишь указалъ извѣстное всѣмъ занимавшимся епархіальною исторіей дѣло о преосв. Іоанникіи Образцовѣ и его достойныхъ сподвижникахъ *), но консисторскія бумаги съ этой стороны мало разработаны.

Въ первой части своего труда г. Чернавскій изложилъ исторію общаго положенія миссіонерства въ Поволжскомъ краѣ, когда (до 1800 г.) почти весь Оренбургскій край принадлежалъ въ Казанской епархіи.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани первый Казанскій архіепископъ Гурій былъ снабженъ отъ царя Ивана Грознаго наказомъ, коимъ предписывалось ему заботиться о привлеченіи иновѣрцевъ къ христіанской вѣрѣ и съ этою цѣлію „пріучать ихъ къ себѣ“ ласкою и привѣтомъ, угощать приходящихъ къ нему по дѣламъ Татаръ квасомъ и медомъ, бесѣдуя съ ними „тихо и съ умиленіемъ, а жестокостію съ ними не говорити“. Склонять Татаръ рекомендовалось „любовію“, крестя невѣрныхъ только по ихъ волѣ, „а страхомъ ихъ къ крещенію никакъ не приводити“. Новокрещенныхъ предписывалось обучать законоученію у себя дома и по монастырямъ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того, для избѣжанія наказанія за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, участвовать съ судьями во всѣхъ совѣтахъ и т. под.“ Къ сожалѣнію, послѣдующіе Казанскіе епископы не оказывали особой ревности къ миссіонерству. Но и въ XVII вѣкѣ „правительство не стояло вчужѣ отъ миссіонерскаго дѣла, для успѣховъ котораго оно распорядилось принять мѣры чисто-гражданскаго характера характера. Такъ, разными указами велѣно было отобрать у некрещеныхъ иновѣрцевъ крещеныхъ людей, уничтожать Татарскія мечети, Татаръ выселять особо отъ Рус-

*) Сборникъ Имп Ист. Общ т. 113, кн II, стр 79—121.

скихъ въ отдѣльную слободу въ Казани, отступниковъ отъ вѣры сажать въ тюрьму или отсылать ко владыкѣ на смиреніе, Русскимъ у Татаръ не жить. Но эти мѣры къ желательнымъ послѣдствіямъ почти не приводили".

Лѣтописи XVIII вѣка уже полны миссіонерскихъ подвиговъ. „Въ 1731 году въ г. Свіяжскѣ для веденія всего миссіонерскаго дѣла въ Казанско-нижегородскомъ краѣ учреждена была особая „Комиссія Новокрещенскихъ Дѣлъ", дѣйствовавшая впрочемъ не очень радиво. Такъ, напр., она не вела даже списка новокрещенымъ, благодаря чему нѣкоторые изъ нихъ ради подарковъ крестились по 2—3 раза, далѣе, раздавала новокрещеныхъ въ крѣпость разнымъ людямъ подъ предлогомъ воспріемничества и т. п. Въ 1738 г. Казанскимъ епископомъ дѣлается прославившійся въ исторіи Русской церкви своею необычайною ревностію по вѣрѣ Лука Конашевичъ: онъ отмѣтилъ собою цѣлую эпоху въ миссіонерскомъ движеніи (1738—1755 г.). При личномъ участіи его въ 1740 году Комиссія была преобразована въ „Контору Новокрещенскихъ Дѣлъ" въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, которая по силѣ указа 11 Сент. 1740 года получила особыя права и положеніе. Душою дѣла сталъ мѣстный архимандритъ Дмитрій Сѣченовъ, помощниками его назначены два Казанскихъ протопопа и пять священниковъ-переводчиковъ и, кромѣ того, шесть лицъ для канцеляріи и услуженія.

Къ сожалѣнію, миссіонеры вели дѣло проповѣди не въ духѣ христіанской любви, и тутъ особенно отличался Димитрій Сѣченовъ. Въ бумагахъ покойнаго П. И. Мельникова (Печерскаго) сохранилось описаніе одного изъ его подвиговъ на этомъ поприщѣ. Возведенный изъ архимандритовъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря во епископа Нижегородскаго, онъ и тамъ также ревностно принялся просвѣщать Магометанъ и язычниковъ. Въ Нижегородской губерніи, въ 67 верстахъ отъ города, находится Терюшевская волость, принадлежавшая Грузинскому царевичу генералъ-лейтенанту Бакару. Она почти вся была населена Мордвой и считалась очень зажиточной. Неподалеку отъ Терюшевской волости находился Оранскій манастырь, основанный въ XVII в., любимое мѣстопребыванія Нижегородскихъ владыкъ, гдѣ преосвященный Димитрій всегда находилъ себѣ желательный отдыхъ послѣ своихъ апостольскихъ и проповѣдническихъ трудовъ. Съ самаго основанія монастыря у монаховъ происходили съ Мордвой постоянныя ссоры, тѣмъ болѣе, что монастырь имѣлъ царскую грамоту 1664 г., въ которой было сказано, что буде монастырю понадобится лѣсу и дровъ, то въѣзжать въ Мордовскіе лѣса безпрепятственно; да тому жъ монастырю было отмежевано земли, пашни, и сѣна и лѣсу и всякихъ угодьевъ *).

Стѣсненная такимъ образомъ, Мордва уже никакого теперь почтенія къ монахамъ не питала и расположенія принять христіанскій законъ отъ такихъ апостоловъ совсѣмъ не имѣла, а ссоры между настоятелями обители и Мордвою продолжались постоянно. Что же касается того, каковы были нравы подвиж-

*) Описаніе Оранскаго мон. Нижній-Новгородъ. 1871 г., стр. 19.

никовъ Оранскаго монастыря, то изъ рукописи П. И. Мельникова видно, что Оранскіе монахи по своему образу жизни и поведенію далеко не соотвѣтствовали тому идеалу монашества, какой рисуютъ намъ ихъ уставы и какого держались монастыри въ первое время возникновенія ихъ на Святой Руси и потомъ, когда они по справедливости считались центрами умственнаго и нравственнаго просвѣщенія. Но позднѣе монастырскіе акты какъ нельзя нагляднѣе изображаютъ нравы и обычаи монастырской жизни. Когда въ половинѣ XVIII вѣка велѣно было составлять опись монастырскому имуществу для отчетовъ въ Духовную Консисторію, то, кромѣ разныхъ вещей, не оказалось даже церковныхъ книгъ, а казначей и монахи показали, что четыре книги „Четьихъ-Миней“ заложены у дворянина Ивана Лѣнивцева въ семи рубляхъ съ полтиной, да еще три книги заложены: „Многосложный свитокъ“, другая книга—„Житія Сергія Чудотворца“, третья — „Іоасафа царевича“ крестьянину села Вязовки, Ивану Иванову сыну Ясолову, въ трехъ рубляхъ; а заложилъ тѣ книги бывшій казначей Иларіонъ, по братскому приговору, на время, ради нужды. Не чуждъ этого грѣха былъ и архимандритъ Ѳеодоритъ: и онъ, должно быть ради той же нужды, не гнушался продавать разныя старинныя серебряныя привѣски отъ чудотворнаго образа Владимирской Божіей Матери. Грубость, невѣжество и самоуправство были отличительными качествами Оранскихъ аскетовъ. Это выражалось прежде всего въ отношеніяхъ къ Мордвѣ, которую Оранскіе монахи, предводительствуемые своимъ настоятелемъ, старцемъ Ѳеодоритомъ, обижали всякій разъ, когда къ тому представлялся случай.

Не въ лучшемъ положеніи отъ нихъ были и приписные къ монастырю крестьяне: житье сихъ послѣднихъ было настолько плохо, что они вынуждаемы были бѣгать отъ Оранскаго самосуда. А потому неудивительно, что монастырскіе акты того времени переполнены сказаніями о „супротивностяхъ“ крестьянъ, которые не могли выносить монастырскаго управленія.

Особенно богаты такими кляузными дѣлами бумаги, относящіяся къ 1746 году, то есть ко времени покровительства обители, которое оказывалъ Димитрій Сѣченовъ. Такъ одна изъ нихъ повѣствуетъ о двадцати пяти семействахъ, добровольно удалившихся съ монастырскихъ угодій; бѣглецы были однако накрыты погоней въ Симбирской губерніи, въ Петровскомъ уѣздѣ, и имъ, конечно, пришлось бы очень плохо, если бы надъ ними не сжалился Петровскій воевода Андрей Ефимовъ, который отстоялъ ихъ отъ ревнивой опеки святыхъ отшельниковъ. Одною изъ важныхъ доходныхъ статей монастыря было хожденіе съ чудотворною иконою Оранской Божіей Матери. Но что это было за хожденіе? Тутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только одна профанація святыни: цѣлыми толпами, съ великимъ безчиніемъ, шатались монахи изъ деревни въ деревню, не исключая и Мордовскихъ; когда сіи послѣдніе не пускали ихъ къ себѣ, они насильно врывались въ дома, заводили ссоры, нерѣдко позволяли себѣ насилія относительно женщинъ и дѣлали всякаго рода вымогательства и поборы не только съ иновѣрцевъ, но и съ Русскихъ. Таковы

были Оранскіе монахи. Настоятель ихъ, архимандритъ Ѳеодоритъ, почему-то успѣлъ заслужить любовь преосвященнаго Димитрія, который, въ особенности лѣтомъ, часто ѣздилъ къ Ѳеодориту въ Оранскую обитель. Здѣсь, вдали отъ шумнаго свѣта, среди лѣсной прохлады, преосвященный безъ стѣсненія могъ позволять себѣ всѣ наслажденія и пить съ особеннымъ удовольствіемъ и въ большомъ количествѣ свой любимый напитокъ „старое Бургонское", отъ котораго, вѣроятно, онъ и нажилъ себѣ впослѣдствіи тяжкую и мучительную болѣзнь, подагру, прекратившую преждевременно его дни. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ эти посѣщенія всегда доставляли душевную отраду и покой владыкѣ; нѣтъ, иногда они служили ему источникомъ великихъ огорченій и ставили въ довольно критическія и опасныя положенія... Былъ мѣсяцъ Май, погода стояла прекрасная. Преосвященный Димитрій вздумалъ отправиться для отдыха въ Оранскую обитель и прибылъ туда какъ разъ въ то самое время, когда братія этой обители совершала свое обычное хожденіе съ чудотворной иконой по деревнямъ. Преосвященный не успѣлъ еще оправиться послѣ путешествія, какъ мирный покой его, неожиданно для него самого, былъ нарушенъ слѣдующимъ происшествіемъ. Монахи, позволяя себѣ по обыкновенію во время крестнаго хода разнаго рода безчинія, произвели на этотъ разъ такое насиліе, котораго не могла снести и благодушная вообще Мордва; выведенная совершенно изъ терпѣнія, она оказала энергическое сопротивленіе посягательствамъ аскетовъ. Монахи, встрѣтивъ такое сильное сопротивленіе со стороны Мордвы, вынуждены были, въ избитомъ и истерзанномъ видѣ, явиться обратно въ обитель, не окончивъ хожденія. Тотчасъ же, разумѣется, посланы были жалобы на „беззаконную Мордву" владыкѣ; но, вмѣсто того, чтобы безпристрастно разсмотрѣть это дѣло, преосвященный, подстрекаемый архимандритомъ Ѳеодоритомъ, принялъ сторону „обиженныхъ" подвижниковъ. По обыкновенію, перебраны были всѣ монастырскія сказанія о нападкахъ и притѣсненіяхъ, учиненныхъ якобы „эломерзскою Мордвой", и въ концѣ концовъ преосвященный, обращавшій нѣкогда иновѣрцевъ цѣлыми десятками тысячъ и не знавшій до сихъ поръ въ этой дѣятельности никакихъ препятствій, тутъ же порѣшилъ совсѣмъ искоренить „эломерзскую Мордовскую вѣру", въ томъ убѣжденіи, что чрезъ это-де прекратятся подобныя столкновенія между иновѣрцами и монастырскою братіей. Кстати, незадолго предъ этимъ былъ присланъ на его имя изъ Св. Синода указъ, коимъ повелѣвалось: всѣ Татарскія мечети, построенныя послѣ запретительныхъ указовъ среди новокрещенныхъ иновѣрцевъ, сломать и впредь строить не допускать. Хотя этотъ указъ касался, очевидно, Татаръ, а не Мордвы, потому что послѣдняя не имѣла мечетей, но преосвященный истолковалъ его по-своему и ждалъ только случая, чтобы примѣнить его на самомъ дѣлѣ. Вскорѣ этотъ случай ему представился. 18 Мая преосвященный Димитрій совершалъ литургію въ Вознесенской церкви села Терюшева и отсюда послѣ добраго угощенія, устроеннаго въ честь его управителемъ духовныхъ дѣлъ, священникомъ о. Кирилломъ, отправился вмѣстѣ со своею многочисленной свитой далѣе для обозрѣнія епархіи. Но, неподалеку села Успенскаго Терюшевской волости, его вниманіе

было привлечено множествомъ низенькихъ срубовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ среди высокихъ старыхъ деревъ дѣвственнаго чернолѣсья. На вопросъ владыки, что̀ это такое, ему отвѣчали, что это Мордовское кладбище съ деревьями, служащими предметомъ почитанія. Преосвященный велѣлъ остановиться, пѣвчихъ заставилъ подложить подъ срубы огонь, а березы срубить топорами, взятыми у священника села Успенскаго. Время было жаркое, огонь распространился быстро, и повалилъ густой дымъ. Крестьяне подумали, что горитъ село, и прибѣжали тушить пожаръ. Но когда Мордва увидѣла, что тутъ оскверняются предметы ея обожанія и попирается прахъ отцовъ и предковъ, то, собравшись толпой и вооружившись рогатинами и саблями, она повела правильную атаку на архіерейскую свиту. Послѣдняя, предводимая самимъ архипастыремъ, вступила въ ожесточенный бой, который продолжался однако недолго и окончился полнымъ пораженіемъ свиты. Многіе изъ побѣжденныхъ остались на мѣстѣ, самъ владыка едва избѣгнулъ подобной же участи, незамѣтно покинувъ поле сраженія и скрывшись въ погребномъ амбарѣ священника. Разбѣжавшіеся съ поля битвы челядинцы по близъ лежащимъ селамъ забили въ набатъ, потомъ, собравъ помѣщичьихъ православныхъ крестьянъ и дворню, съ оружіемъ въ рукахъ бросились въ село Сарлей отбивать епископа. Произошла кровавая схватка, нѣсколько жестоко избитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ осталось на полѣ сраженія, и только наступившая ночь прекратила эту бойню. Преосвященный Димитрій кое-какъ, окольными путями, успѣлъ наконецъ добраться до села Терюшева и оттуда съ немалымъ числомъ проводниковъ благополучно прибылъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. По прибытіи сюда, онъ тотчасъ приказалъ учинить о такомъ дерзкомъ поступкѣ Мордвы строгое разслѣдованіе, сообщивъ о семъ розыскныхъ дѣлъ полковнику Крюкову.

Завязалось дѣло. Для усмиренія Мордвы посланы войска. Конечно Мордва была въ конецъ разорена и не могла даже платить оброкъ владѣльцу ея земель, Грузинскому царевичу Бакару Вахтангеевичу. Однако, царевичъ внялъ просьбамъ своихъ подданныхъ: войска были выведены, и Мордва оставлена въ покоѣ. Самъ же преосвященный, не смотря на то, что, по его донесенію въ Св. Синодъ, имъ было крещено въ Нижегородской губерніи свыше 50.000 иновѣрцевъ, былъ уволенъ въ Райскую пустынь, и только въ 1752 году, черезъ $3^1/_2$ года послѣ увольненія, вызванъ въ Св. Синодъ и опредѣленъ епископомъ въ Рязанскую епархію“ *).

Но возвратимся къ книгѣ Н. Чернавскаго. По его словамъ дѣло миссіонерства было поставлено такъ, что производило сильное возбужденіе среди инородцевъ. „Еще въ 1748 году Казанскіе Татары думали было произвести поголовную рѣзню Русскихъ „до малаго ребенка“, сначала въ Казани, а потомъ и въ уѣздахъ, чтобы „тѣмъ погубленіемъ избыть крещенія и несноснаго платежа“; но во̀ время принятыя мѣры предупредили опасность. Подъ влія-

*) Рукопись моей библіотеки № 2323 и „Русское Обозрѣніе“ 1893, кн. VIII.

нiемъ того же возбужденія въ предѣлахъ Оренбургскаго края въ 1755 году вспыхнулъ кровавый Батыршинъ бунтъ. Самъ предводитель и виновникъ бунта, Мещерякскій мулла Абдулла Мязгильдиновъ, по прозванію Батырша, въ числѣ главныхъ побужденій къ поднятому имъ мятежу указывалъ на принудительное обращеніе инородцевъ въ христіанскую вѣру. Немало былъ виновенъ самъ вдохновитель и руководитель миссіи епископъ Лука Конашевичъ, который дѣйствовалъ иногда черезчуръ круто и даже съ изувѣрствомъ, вовсе несвойственнымъ христіанству. Извѣстный историкъ Казанской іерархіи, епископъ Платонъ Любарскій, отдавая дань заслугамъ Луки Конашевича въ дѣлѣ просвѣщенія Казанской паствы, безпристрастно замѣчаетъ о его миссіонерскихъ подвигахъ. „Какъ особливо Татары не столь преклонны къ благочестію, то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми утѣсненіями, созидая насильно въ срединѣ ихъ церкви и часовни, забирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, чрезъ что сильно ихъ такъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нетерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія“. Усердіе свое Лука Конашевичъ простеръ даже до того, что приказалъ уничтожить развалины древняго города Булгары Правительство, наконецъ, сознало крайности его дѣятельности, и онъ въ Октябрѣ 1755 года переведенъ въ Бѣлогородскую епархію, какъ замѣчаетъ Любарскій, „въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій“.

Послѣ Луки Конашевича дѣла Новокрещенской конторы шли болѣе и болѣе тише. Императрица Екатерина 23 Января 1763 года повелѣла Сенату совмѣстно съ Синодомъ пересмотрѣть распоряженія относительно миссіонерства среди инородцевъ. Представленный во исполненіе сего докладъ Сената былъ высочайше утвержденъ 20 Февраля 1764 года. Новокрещенская Контора закрывалась, какъ равно упразднена была и переселенческая „главная команда“. Забота о гражданскомъ бытѣ новокрещеныхъ передана мѣстнымъ гражданскимъ учрежденіямъ, а миссіонерскія задачи и заботы возлагались на епархіальныхъ архіереевъ.

Реформаторскія стремленія преосвященнаго Луки Конашевича встрѣтили дружнымъ сопротивленіемъ Яицкіе казаки. Печать старины лежала вообще на міросозерцаніи и обычаяхъ Уральскихъ казаковъ, которые носили длинныя бороды, крестились двуперстно, служили по старымъ книгамъ, ходили за службами посолонь и т. под. „Лука Конашевичъ, извѣстный въ исторіи Русской церкви по стойкой ревности къ обращенію въ христіанство иновѣрцевъ изъ Мусульманъ и язычниковъ Приволжскаго края, при началѣ своего управленія лично столкнулся съ приверженностію Яицкихъ казаковъ къ старообрядчеству. Войско Яицкое представило ему священника Максима Павлова для опредѣленія его въ санъ протопопа, и двухъ казаковъ Петра Діонисова и Ив. Желѣзнова, во іереи. Казанскій архипастырь усмотрѣлъ, что „ставлен-

ники неправославнымъ троеперстнымъ Святую Троицу изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и Армянскимъ двоеперстнымъ крестомъ крестятся; и ихъ, яко явныхъ клятвопреступниковъ и богомерзкихъ раскольниковъ, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ не исправятся и отъ такой богомерзкой ереси своей истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпустилъ". Впрочемъ, какъ онъ самъ выразился, „ради честнѣ издревле пресловутаго войска Яицкаго", преосвященный Лука на этотъ разъ уступилъ войску и поставилъ Максима Павлова протопопомъ и заказчикомъ (т. е. благочиннымъ) Яицкихъ церквей, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ".

Въ цѣляхъ борьбы съ расколомъ, епископъ Лука учредилъ на Яикѣ особое духовное правленіе; но казаки заупрямились. Сначала они послали для поклона владыкѣ 400 рубл., но, не смотря на разныя задабриванія консисторскихъ чиновниковъ и дворецкаго архіерейскаго дома, преосвященный Лука этихъ 400 рубл. не принялъ и просьбы ихъ не уважилъ. Вся эта исторія изложена Н. Чернавскимъ подробно и живо. Въ концѣ концовъ въ защиту Яицкихъ казаковъ вступился губернаторъ И. И. Неплюевъ, и Св. Синодъ, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, увидѣлъ, что притязанія Яицкихъ казаковъ не безпричинны, но коренились въ самомъ строѣ ихъ общинно-религіозной жизни. Между тѣмъ крайности архипастырской дѣятельности къ тому времени уже достаточно были сознаны высшей властью, такъ что скоро пришлось перевести его въ другую епархію, въ Бѣлгородъ.

Второй выпускъ изслѣдованія Н. Чернавскаго (1058 страницъ) главнымъ образомъ касается біографіи Оренбургскихъ владыкъ и архипастырской ихъ дѣятельности. Изъ пятнадцати Оренбургскихъ и Уфимскихъ архіереевъ особенно обращаютъ на себя вниманіе Августинъ Сахаровъ и Іоанникій Образцовъ: первый, какъ своеобразная личность, второй, какъ представитель архіерейства первой половины XIX столѣтія.

Преосвященный Августинъ, въ мірѣ Михаилъ Степановичъ Сахаровъ, былъ замѣчательною личностью; однако, прошло уже полвѣка со времени его кончины († 1842 г.), и при всемъ обиліи рукописныхъ матеріаловъ, относящихся до его жизни и дѣятельности, онъ не имѣетъ еще обстоятельной біографіи; небольшія же и притомъ плохо обработанныя свѣдѣнія о его жизни, напечатанныя профессоромъ Ярославской семинаріи Н. Калинниковымъ, въ 1866 г., въ журналѣ „Странникъ", мало даютъ понятія объ этомъ человѣкѣ.

Товарищъ по Академіи Сперанскому, онъ велъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ переписку и сохранялъ до конца жизни дружескія отношенія. Много было разсказовъ Августина объ его именитомъ другѣ. „Мнѣ случилось быть, разска-

зываетъ преосвященный, въ одномъ богатомъ княжескомъ домѣ на балѣ; отвѣдавши тамъ множество рѣдкихъ кушаньевъ и дорогихъ винъ, я вздумалъ сообщить объ этомъ Сперанскому, но онъ мнѣ отвѣчалъ: „Эхъ, братъ, чему ты тутъ удивляешься! Вѣдь нѣтъ ничего хуже на свѣтѣ, какъ ѣсть и пить!“ Когда будущій преосвященный, окончивъ Академію, отправился въ Ярославль на должность учителя Семинаріи, были по обыкновенію устроены проводы съ приличною выпивкой; въ числѣ сопровождавшихъ былъ и студентъ Сперанскій. Развеселившись, онъ взялъ двѣ палки и началъ осѣнять Сахарова какъ бы трикиріемъ. Сахаровъ уговаривалъ оставить неумѣстныя шутки, говоря, что это кощунство; но Сперанскій не унимался и продолжалъ, время отъ времени, выдѣлывать тоже до самой заставы. Эта дружеская шутка оказалась потомъ пророчествомъ.

Постригшись въ 1797 г. въ монашество съ именемъ Августина, Сахаровъ былъ скоро назначенъ архимандритомъ Толгскаго Ярославскаго монастыря, затѣмъ вытребованъ въ Петербургъ и въ 1802 году опредѣленъ законоучителемъ въ Кадетскій корпусъ. Тутъ особенно его почитали Клейнмихель и Маркевичъ, чрезъ посредство которыхъ онъ и былъ, въ 1806 г., назначенъ на Уфимскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ епископа. Въ Уфѣ преосвященный пробылъ до 1819 г. Въ этомъ году онъ попросился на покой и былъ уволенъ на свою родину въ Ростовъ, въ Варницкій монастырь. На прощаніи съ своею паствой преосвященный получилъ отъ Уфимскаго дворянства литографированный портретъ свой въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ. Портреты эти и по настоящее время сохраняются во многихъ домахъ его почитателей, очевидно полученные ихъ отцами, преимущественно духовными, отъ самого преосвященнаго.

Какого рода были причины, заставившія проситься Августина на покой, неизвѣстно. Быть можетъ, будущій біографъ, разбирая Уфимскій консисторскій архивъ, и найдетъ въ немъ слѣды этихъ причинъ; извѣстно лишь то, что архипастырь послѣ неоднократно выражалъ желаніе снова принять на себя управленіе какой-либо епархіей и, не смотря на то, болѣе двадцати лѣтъ пробылъ въ уединеніи.

По разсказамъ современниковъ, въ Уфѣ Августинъ жилъ очень открыто, одѣвался въ шелкъ и бархатъ, слабо смотрѣлъ за консисторіей. Какъ-то онъ узналъ про одно вопіющее консисторское дѣло и вдругъ перемѣнилъ образъ жизни: сталъ одѣваться бѣдно, жить замкнуто и посѣщать присутствіе Консисторіи ежедневно, засѣдая наравнѣ съ членами, какъ предсѣдатель. Зная, что это лишитъ Консисторію дохода и что на скудное жалованье чиновникамъ ея жить нельзя, онъ отдавалъ имъ свои доходы, распродалъ при этомъ даже лошадей и ѣздилъ въ простой кибиткѣ, запряженной въ одну лошадь. Про житье его въ Уфѣ у насъ остался разсказъ Я. Г. Несмѣловскаго. Августинъ, говоритъ онъ, былъ въ родѣ какъ бы юродиваго. Владыка носилъ крашенинную рясу и такой же подрясникъ, подпоясывался про

стымъ мужицкимъ кушакомъ: ѣздилъ всегда, даже въ торжественные дни, къ обѣднѣ въ простой извозчичьей лубочной кибиткѣ на одной лошади, рѣдко на двухъ: бралъ съ собой иногда и ректора (Филарета Амфитеатрова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита Кіевскаго), котораго сажалъ не иначе, какъ на козлахъ съ кучеромъ. Иногда вмѣсто ректора, на козлы онъ сажалъ священника - эконома. И вотъ, священнику, одѣтому въ рясу, приводилось обязательно присаживаться къ кучеру, чтобы сопровождать архіерея въ поѣздкахъ, какъ къ богослуженію, такъ равно и къ знакомымъ лицамъ въ городѣ. Но этого мало. Такъ какъ преосвященный, посѣщая своихъ послѣднихъ, не любилъ и не принималъ никакихъ угощеній, даже чаю и кофе, а между тѣмъ любилъ пить кофе ячменный: то, желая иногда угодить посѣщаемымъ, а себѣ доставить угощеніе, онъ приказывалъ приготовлять еще дома большой чайникъ съ ячменнымъ кофе и уже свареннымъ брать этотъ кофе въ чайникѣ съ собою; священникъ - экономъ, сидя на козлахъ, держалъ въ рукахъ чайникъ... Какъ только пріѣдутъ въ домъ, гдѣ владыкѣ угодно посидѣть, тотчасъ посылается священникъ на кухню, чтобы разогрѣть архіерейскій кофе и принести для него въ гостинную, гдѣ архипастырь и угощался. Преосвященный Августинъ и дома не любилъ ничего излишняго не только въ пищѣ, но и въ самой посудѣ, столовой и чайной. Къ обѣду ему подавали на деревянномъ подносѣ два, а по праздникамъ три маленькихъ горшка, изъ которыхъ прямо и употреблялъ онъ пищу, не требуя никакой посуды Уволенный на покой съ самой скромной пенсіей (въ 1,000 рублей ассигнаціями), онъ и въ Ростовѣ жилъ замкнуто. Такъ, одна изъ его знакомыхъ, г-жа П., пріѣхавъ изъ Петербурга, завернула къ нему въ монастырь; преосвященный, предложивъ гостьѣ чаю, самъ ставилъ самоваръ и раздувалъ лучину.

Все время пребыванія въ монастырѣ (съ 1819 по 1842 г.) онъ занимался сочиненіями и, не смотря на то, что пенсія его была потомъ увеличена, не измѣнялъ образа жизни. Онъ ѣздилъ часто въ Ростовъ къ собору, гдѣ у него подъ колокольней, въ палатѣ, помѣщалась обширная библіотека, которую онъ не имѣлъ возможности держать въ своихъ небольшихъ деревянныхъ кельяхъ, да и боялся пожара. Выходя за монастырскую ограду, онъ былъ всегда окружаемъ множествомъ птицъ, преимущественно вороньевъ, которыхъ кормилъ, бросая на пути корки хлѣба.

Въ Ростовѣ въ его время былъ богатый купецъ Максимъ Михайловичъ Плѣшановъ (дѣдъ академика П. Ѳ. Плѣшанова), простой крестьянинъ, который съ помощью двухъ даровитыхъ сыновей нажилъ милліоны (фирма „Максима Плѣшанова сыновья“ существовала въ Петербургѣ до половины 60-хъ годовъ). Старикъ Максимъ пилъ запоемъ и былъ крайне невоздержанъ. Разъ, во время званаго обѣда, гдѣ былъ и Августинъ, онъ началъ бранить преосвященнаго, укоряя его бѣдностью, и до того забылся, что рванулъ его за бороду. Присутствовавшій тутъ полицмейстеръ завелъ было дѣло, но преосвященный простилъ Плѣшанова, ѣздилъ самъ по губернскому начальству

чтобы замять дѣло. и благодарный Плѣшановъ, выгулявшись, богато отстроилъ заново теплый Введенскій храмъ Варницкаго монастыря, сдѣлалъ ограду и вообще устроилъ монастырь въ блестящемъ видѣ.

Августинъ погребенъ въ Варницкомъ монастырѣ въ созданной имъ церкви. Всю свою большую библіотеку изъ сочиненій и писемъ онъ отдалъ въ Ярославскую и Уфимскую семинаріи и въ С.-Петербургскую Духовную Академію. свое же небогатое имѣніе бѣднымъ родственникамъ.

Въ оставшейся послѣ Августа духовной любопытна статья, въ которой онъ завѣщаетъ сдѣлать обрядъ его погребенія слѣдующимъ образомъ: „Поелику душа моя, при содѣйствіи всемогущества Христова, сохранена мною отъ всякой блудной скверны и нечистоты, то по смерти моей не обмывать моего тѣла, положить его въ приготованный мною гробъ, совершить надъ моимъ тѣломъ священническое погребеніе и, закрывши гробъ, предать мое тѣло погребенію". Скромная могильная плита Августина теперь уже рѣдко бываетъ предметомъ поклоненія. Почитатели его всѣ перемерли. сочиненія лежатъ въ рукописяхъ, а братія Троицкаго заштатнаго монастыря, очевидно, и не знаетъ о подвигахъ преосвященнаго и не читала его прекраснаго стихотворенія, напечатаннаго въ 1794 г. и кончающагося словами:

Я буду въ шалашѣ спокойномъ,
Въ уединенномъ и безмолвномъ,
Тебя въ душѣ воспоминать,
И ко снисканью совершенства,
Ко утвержденію блаженства,
Во всемъ тебѣ лишь подражать[1].

Оренбургскою епархіей Августинъ управлялъ $12^1/_2$ лѣтъ. Непріятная и кляузная исторія. надѣлавшая немало шума, съ ректоромъ Семинаріи, архимандритомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ). на котораго преосвященный Августинъ поднялъ цѣлую бурю гоненій (1805 г.—1810 г.); недружелюбныя отношенія съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, княземъ Григ. Сем. Волконскимъ, происшедшія, частью. изъ-за отказа преосв. Августина освятить построенную послѣднимъ военную Петропавловскую церковь въ Оренбургѣ (въ 1808—1809 г.), а также, изъ-за несогласія преосвященнаго на предложеніе князя Волконскаго о постройкѣ деревянныхъ церквей и часовень въ крѣпостныхъ селеніяхъ по Оренбургской пограничной линіи, и, наконецъ, самое главное, черезчуръ формальное и законнически-бюрократическое управленіе преосвященнаго Августина епархіею. не разъ отягощавшее даже Синодъ канцелярскими запутанными донесеніями, все это подало поводъ составить о немъ въ Синодѣ мнѣніе, какъ о лицѣ, излишне и непосильно обременяющемъ епархію. Вслѣдствіе этого ему предложено было въ концѣ 1818 года подать прошеніе объ увольненіи. Оскорбленный въ своей гордости, преосв. Августинъ, вслѣдъ за подачею прошенія, прекратилъ занятія епархіальными дѣлами и поспѣшилъ оставить архіерейское помѣщеніе, живя послѣдніе три

мѣсяца (до Февраля 1819 года) въ простой кельѣ и претерпѣвая большія лишенія. По высочайшему утвержденію 6-го Января 1819 года Августинъ уволенъ на покой „по разстроенному здоровью съ проживаніемъ въ Ростовскомъ заштатномъ Варницкомъ морастырѣ, о чемъ Консисторія извѣщала по епархіи отъ 18-го Февраля. Пенсія ему первоначально опредѣлена была въ 1000 рублей, а потомъ увеличена до 4000 за его непрерывную научно-литературную дѣятельность".

Врагъ мздоимства и совершенный безсребренникъ, Августинъ и въ поѣздкахъ по епархіи всѣ расходы производилъ на свой счетъ, такъ какъ до 1828 г. прогоны архіереямъ не выдавались. Обозрѣвая епархію въ 1806 г. съ 11 Августа по 15 Сентября, онъ израсходовалъ 888 р. 32 к. Большой законникъ, онъ хотя и вносилъ порядокъ въ консисторскія дѣла, но формализмъ его переходилъ всякіе предѣлы и въ своей крайности создавалъ бюрократизмъ со всѣми его дурными послѣдствіями. „Разумѣемъ, пишетъ Чернавскій, „необыкновенное развитіе въ дѣлопроизводствѣ бумагописательства, умноженіе разныхъ входящихъ, исходящихъ рапортовъ, отношеній, реестровъ, справокъ и проч. Каждое дѣло образовывало, такимъ образомъ, громадный столбъ бумагъ, обычно листовъ въ 50, 100, 400 и даже иногда болѣе 2500 листовъ, какъ напр. дѣло относительно растраты казенныхъ суммъ въ Оренбургскомъ духовномъ правленіи при протопопѣ С. М. Нѣмковѣ".

Изъ-за лишняго формализма и буквоѣдства преосвященнаго Августина страдали иногда достойныя лица, какъ напр. мягкій и добрый ректоръ Семинаріи архимандритъ Филаретъ Амфитеатровъ.

Филаретъ, мягкій и сердечный ректоръ Семинаріи, не сошелся характеромъ съ владыкою; къ тому же противъ Филарета возбудилъ Августина будто бы Орловскій епископъ Досиѳей, который устроилъ въ родѣ ссылки Филарету чрезъ переводъ его изъ ректоровъ Орловской Семинаріи въ г. Уфу и объ его неблагонадежности и непокорности сообщилъ въ письмѣ Августину. Преосвященный обвинялъ ректора въ небреженіи матеріальныхъ интересовъ ввѣреннаго ему заведенія, въ жестокомъ обращеніи съ учениками, въ неаккуратномъ исполненіи ректорскихъ и учительскихъ обязанностей и т. п. Явился сложный судебный процессъ, производившійся по правиламъ того времени въ Духовной Консисторіи. Какъ и обычно, преосвященный самъ присутствовалъ при допросахъ подсудимаго въ Консисторіи и если послѣдній рѣшался возражать противъ какого-либо обвиненія, то составлялись акты объ оскорбленіи его преосвященства и Консисторіи. Все это архимандритъ Филаретъ переносилъ терпѣливо и во всемъ отдавалъ себя на волю епархіальнаго начальства. Но когда онъ увидѣлъ, что обвиненіямъ на него нѣтъ конца, что всѣ они, не смотря на ихъ очевидную несостоятельность, не только признаются епархіальнымъ начальствомъ, но и подводятся подъ разныя статьи Уложенія, Генеральнаго и Духовнаго регламентовъ, Воинскаго устава, манифестовъ, Синодскихъ и Сенатскихъ указовъ, то за-

явилъ, что онъ „все переносилъ, надѣясь на милость начальства, готовъ былъ трудиться безъ жалованья, котораго его лишили; когда его учительскіе труды обратили въ источникъ его страданій, то онъ и страдать готовъ былъ, потому что невинность страдать умѣетъ; но видя, что его судятъ по законамъ, которые къ его дѣлу не относятся, онъ не можетъ ввѣрить рѣшенія своего дѣла и своей судьбы Оренбургской Консисторіи и проситъ все дѣло представить на милостивое разсмотрѣніе Св. Синода".

„Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ извѣты архіерея и Консисторіи, написанные на сотняхъ листовъ, 2 Декабря 1810 г. призналъ ихъ по всѣмъ пунктамъ незаслуживающими уваженія [1]). „А, какъ по вышеизъясненнымъ, сказано въ заключеніи Синодальнаго опредѣленія, и по другимъ дѣламъ, усматриваетъ (Святѣйшій Синодъ), что онъ, епископъ Августинъ, резолюціями своими, останавливая законныя дѣйствія дѣлъ, обязывалъ неоднократно Консисторію производить новыя изслѣдованія по такимъ предметамъ, кои по существу своему никакой важности не составляли, къ непомѣрному ея и подсудимаго ему духовенства отягощенію, и таковыми дѣлами, кои болѣе зависятъ отъ архипастырскаго его, епископа, разсмотрѣнія, затрудняетъ и отвлекаетъ Святѣйшій Синодъ отъ важнѣйшихъ его занятій по лежащей на немъ должности; да и вообще Святѣйшій Синодъ, находя его, епископа въ образѣ управленія ввѣренною ему епархіею, тягостнымъ, не можетъ не обратить на все сіе вниманія и для того, замѣтивъ оное ему, епископу, подтвердить, чтобы впредь въ правленіи ввѣренной ему паствы поступалъ сообразно правиламъ святыхъ апостолъ и отецъ". Но еще прежде, чѣмъ состоялось это опредѣленіе Святѣйшій Синодъ перемѣстилъ Филарета ректоромъ въ Тобольскъ, къ прежнему начальнику его, Амвросію" [2]).

„Душевный складъ Августина", пишетъ Чернавскій, „характеризуется преобладаніемъ волевыхъ импульсовъ, какъ бы заглушавшихъ сердечныя эмоціи и постоянными упражненіями развитыхъ до такой степени, что могло казаться, какъ будто онъ жилъ только для дѣла, уйдя въ него всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, и умеръ для отзвуковъ на впечатлѣнія окружающей дѣйствительности. Митрополитъ Московскій Филаретъ въ 1835 г. писалъ о немъ извѣстному А. Н. Муравьеву: „О преосв. Августинѣ многое и неудобь сказуемое слово. Сильная воля не есть все, что̀ нужно для полезнаго дѣйствованія". Было естественно, что съ такой желѣзной волей преосвященный Августинъ былъ настойчивъ, прямолинеенъ и стремителенъ, относясь къ порокамъ духовенства, особенно къ пьянству, со всею строгостію и требовательностію. А поприще въ этомъ направленіи открывалось обширное, и дѣйствовать приходилось немало... Неудивительно, что въ духовенствѣ о немъ вскорѣ же распространилась по епархіи молва, какъ объ администраторѣ и человѣкѣ строгомъ, суровомъ и даже будто ничѣмъ неумо-

[1]) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовн. просвѣщенія, стр. 263.
[2]) Дѣло Св. Синод. 1818 г., № 558.

лимомъ. Этому же, повидимому, способствовало и обыкновеніе Августина, отмѣченное и въ свѣтской литературѣ, наказывать виновныхъ своеручно при помощи своего архіерейскаго посоха. Такой келейный отеческій судъ и наказаніе не считались въ то время странными и никого не оскорбляли, а даже, казалось, были удобны въ смыслѣ скорости и дѣйствительны по отечески-попечительному ихъ характеру... Почему и къ Августину духовенство не питало какой либо непріязни; а наоборотъ, видя въ немъ человѣка необыкновенной жизни, въ полномъ смыслѣ аскета и подвижника, проводившаго жизнь въ непрерывныхъ упражненіяхъ поста, молитвы и трудолюбія, чувствовало къ нему не одинъ страхъ, но и высокое благоговѣніе. Также и дворянское сословіе питало къ нему глубокое уваженіе: яснымъ тому доказательствомъ служитъ поднесеніе преосвященному Августину его портрета отъ Уфимскаго дворянства съ выразительною надписью.

Въ тоже время преосвященный Августинъ принадлежалъ къ людямъ интуитивно - созерцательнаго образа мыслей, и въ ту эпоху широкаго увлеченія мистицизмомъ былъ по природѣ мистикъ. Такъ, мы знаемъ, что его посѣщали неоднократно разнаго рода видѣнія и сновидѣнія, которымъ онъ придавалъ большое значеніе въ смыслѣ предчувствій и предуказаній. Въ память такихъ видѣній Августинъ заказывалъ дѣлать небольшія иконы и панагіи; таковыхъ осталось отъ него болѣе двѣнадцати. Ему приписываютъ также даръ прозорливости и предсказанія будущаго; такъ, напримѣръ, онъ предрекъ открытіе самостоятельной епископской каѳедры въ г. Оренбургѣ, пожертвовавъ для будущей каѳедры дорогое архіерейское облаченіе и панагію во имя св. Августина Иппонскаго. Засвидѣтельствовано очевидцами, что въ 1812 г. 12 Октября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ и Французская армія оставляли съ позоромъ Москву, Августинъ вдругъ неожиданно является въ каѳедральный соборъ, велитъ звонить въ большой колоколъ и совершаетъ торжественный при громадномъ стеченіи народа благодарственный молебенъ по поводу избавленія отечества отъ непріятеля. Всѣ сочли поступокъ Августина по меньшей мѣрѣ страннымъ, а нѣкоторые подумали, что преосвященный впалъ въ ненормальное состояніе, о чемъ даже будто бы было писано и въ Петербургъ.

Нѣкоторые случаи изъ жизни Августина показываютъ, что онъ не чуждъ былъ честолюбія и гордости, а его высокомѣріе давало поводы ссоры съ начальникомъ края княземъ Гр. Сем. Волконскимъ, этимъ добрымъ и простодушнымъ старичкомъ-баричемъ (но впрочемъ со странностями). Августину усвояютъ нѣкоторые и то, что онъ заискивалъ у высокопоставленныхъ лицъ и любилъ выхваляться изъ мелочного чувства тщеславія. Въ общемъ, эта натура была стремительная, вѣчно чего-то ищущая, мало удовлетворенная и уравновѣшенная.

Три раза за время управленія имъ Оренбурской епархіей, въ Іюнѣ 1810 г., въ Январѣ 1816 г. и въ Ноябрѣ 1818 г., первый разъ, за пятилѣтіе, во второй, за десятилѣтіе и въ послѣдній по случаю ухода изъ епар-

хіи. преосвященный подводилъ итоги своей дѣятельности, и вкратцѣ по рубрикамъ отмѣчалъ главнѣйшіе свои труды и заслуги для епархіи. Таковыя „Выписки о главнѣйшихъ распоряженіяхъ и дѣлахъ своихъ“ преосвященный сначала отправлялъ въ Синодъ, откуда получалъ благодарность за свою ревностную попечительность объ епархіи, а потомъ для общаго свѣдѣнія разсылалъ эти выписки вмѣстѣ съ заключеніемъ Св. Синода причтамъ церквей. Все это исходило изъ желанія его видѣть и давать во всемъ самую точную отчетность. Отсюда же и обычай его о мало-мальски выдающихся дѣлахъ и распоряженіяхъ по епархіи подробно и обстоятельно репортовать немедля въ Св. Синодъ“...

*

Не таковъ былъ преосвященный Іоанникій Образцовъ, прибывшій на Оренбургскую епархію въ началѣ 1836 года.

Это сынъ бѣднаго пономаря Яковлева, получившій въ Тверской Семинаріи названіе Образцова за скромность и исправность. Пребываніе его на Оренбургско-Уфимской каѳедрѣ въ теченіе 14 лѣтъ характеризуется сравнительно слабымъ развитіемъ церковной жизни По всему видно было, что не имѣлось въ основѣ заводной пружины, которая бы приводила въ движеніе и держала въ напряженіи духовныя силы епархіи; событія предоставлены были собственному ихъ теченію, и если получали толчекъ изъ епархіальнаго центра, то очень незначительный.

„Преосвященный Іоанникій, говоритъ О. Морошкинъ *). при ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ и при непростительномъ въ его званіи незнаніи самыхъ обыкновенныхъ формъ духовнаго судопроизводства, былъ, сверхъ того, задорливъ, сварливъ, надутъ, мстителенъ, пристрастенъ и несправедливъ; будучи окруженъ своими племянниками, людьми не совсѣмъ нравственными, онъ позволялъ имъ вмѣшиваться въ дѣла епархіальнаго управленія, и не только имъ, но даже и женамъ ихъ. Нестрогій къ самому себѣ, онъ снисходительно смотрѣлъ на поступки гризнаго и пьянаго ректора Оренбургской Семинаріи, Никодима. и нравственнаго урода, смотрителя Уфимскихъ училищъ, іеромонаха Филиппа. По главный порокъ, которымъ опозорилъ себя Іоанникій и за который въ глаза называли его даже Татары грабителемъ, было корыстолюбіе, послужившее началомъ вражды между нимъ и секретаремъ Маминымъ

Маминъ былъ натура энергическая, огненная, смѣлая и дерзкая до наглости, извительная, изворотливая. опытная въ крючкотворствѣ, самая умная и даровитая среди безграмотной, невѣжественной и лѣнивой челяди консисторской; натура гордая, мстительная и, какъ всѣ консисторскіе секретари, корыстолюбивая. Съ первыхъ же недѣль по вступленіи Іоанникія на Оренбургскую каѳедру, начались неудовольствія между нимъ и секретаремъ.

*) Сборникъ Имп. Истор. Общества. Т 113. ч. II, стр. 80.

Прежде. при слабомъ, безкорыстномъ и довѣрчивомъ преосвященномъ Михаилѣ, Маминъ. имѣлъ большое вліяніе на движеніе и направленія дѣлъ; теперь же статьи доходныя отошли отъ Мамина къ свитѣ новоприбывшаго преосвященнаго, которая, независимо отъ секретаря и даже во вредъ ему, возымѣла вліяніе на ходъ епархіальныхъ дѣлъ. Маминъ, лишенный выгодъ, какими онъ дотолѣ пользовался, сталъ врагомъ архіерея и, при своей мстительности. искалъ случая напасть на него. Сначала вражда Мамина ограничивалась остротами на счетъ владыки и его свиты. При услужливомъ угодничествѣ нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ показать свое усердіе, преосвященный Іоанникій, охотно слушавшій всякія сплетни, немедленно узналъ все, что было говорено Маминымъ на его счетъ. Нѣкоторые изъ членовъ Консисторіи, недовольные Маминымъ и боявшіеся, чтобы онъ не обнаружилъ ихъ злоупотребленій, всемѣрно раздували эту вражду, надѣясь при помощи архіерея избавиться безъ хлопотъ отъ секретаря. На 5-е Февраля (1836 г.) въ архіерейскомъ домѣ случилось воровство: у іеродіакона Филарета, засидѣвшагося до 4-хъ часовъ за полночь въ кельѣ іеромонаха Платона, украдено было 2.500 рубл. асс.; похититель былъ найденъ на другой день и возвратилъ Филарету изъ украденыхъ только 200 руб., а остальную сумму обѣщалъ уплатить впослѣдствіи, внося ему ежегодно по 300 рублей. Воръ былъ служитель архіерейскаго дома Ѳедоровъ, который, послѣ уличенія въ кражѣ, болѣе трехъ сутокъ скрывался въ архіерейскомъ домѣ, въ кельѣ архіерейскаго экономa Владимира, покровительствовавшаго Ѳедорову. Дѣло, кажется, хотѣли замять, или, по крайней мѣрѣ, кончить домашнимъ образомъ. Но Маминъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы кольнуть архіерея и выставить на показъ темныя дѣла архіерейскаго дома, и подалъ въ Консисторію 6-го Февраля такого содержанія докладъ: „До свѣдѣнія моего дошло, что въ Оренбургскомъ архіерейскомъ домѣ, именно въ кельѣ іеродіакона Филарета, во время ночи, въ небытность его, покрадено 2.500 рубл., по его показанію. Воръ этихъ денегъ найденъ и укрывается въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе чего я просилъ бы Оренбургскую Консисторію спросить у кого слѣдуетъ, справедливъ ли этотъ слухъ“.

Три члена Консисторіи, желая подслужиться архіерею, просили удалить Мамина отъ должности. Іоанникій не только его удалилъ, но велѣлъ прекратить и выдачу жалованья. Отъ Мамина посыпался къ оберъ-прокурору Св. Синода рядъ доносовъ. Съ прибытіемъ Іоанникія изъ Вятки въ Уфу появилось въ архіерейскомъ домѣ пять человѣкъ. „Лица эти при первомъ своемъ вступленіи въ Оренбургскую епархію начали вести себя очень несообразно своему званію и мѣсту, гдѣ они угнѣздились. Получивъ въ городѣ, привыкшемъ видѣть благочестіе въ домѣ архіерейскомъ, невыгодные слухи о ихъ поведеніи, я обязанностію почелъ словесно доложить его преосвященству о такихъ соблазнительныхъ слухахъ. Его преосвященство, повидимому оказавши удовольствіе за предостереженіе, благоволилъ сказать мнѣ, что онъ постарается все это прекратить. Слѣдствіе показало противное“, въ доказатель-

ство чего Маминъ приводитъ воровство, случившееся въ архіерейскомъ домѣ, распространившіеся по городу слухи о соблазнительномъ поведеніи молодежи, наполняющей архіерейскій домъ, изгнаніе изъ архіерейскаго дома старца Нехорошкова, носившаго на себѣ желѣзныя вериги и т. д.

Слѣдствіе было въ пользу Іоанникія. Секретарь Маминъ уволенъ безъ допущенія къ подобнымъ должностямъ по духовному вѣдомству. Доносы же Мамина на Іоанникія признаны неосновательными, служащими лишь къ оскорбленію чести епархіальнаго архіерея.

Но не успѣла еще кончиться ревизія, какъ въ Синодѣ получено было извѣстіе о томъ, что Іоанникій оказываетъ потачку и поблажку раскольникамъ Дуванейскаго приказа, запретивъ православнымъ священникамъ и благочинному увѣщевать совратившихся изъ православія и позволивъ этимъ совращеннымъ совершенно исключиться изъ списковъ православныхъ. Доносъ этотъ оказался вѣрнымъ. Племянники Іоанникія, не смотря на прямое и ясное предписаніе Синода отослать ихъ по окончаніи семинарскаго курса въ Тверскую епархію, были оставлены въ Оренбургской, и одинъ изъ нихъ даже получилъ здѣсь священническое мѣсто въ каѳедральномъ соборѣ. Епархія была недовольна управленіемъ архіерея и глухо роптала; а нѣкоторые, болѣе смѣлые, открыто жаловались графу Протасову. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Іоанникій былъ переведенъ на Кавказскую каѳедру; но и здѣсь онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, и также подпалъ ревизіи.

Чтобы познакомиться съ характеромъ жалобъ на Іоанникія, приводимъ здѣсь, для образца, одну изъ нихъ. „Оренбургская епархія управлялась архипастырями, если не отличными умомъ, то добрыми по сердцу, соотвѣтствующими своему назначенію. Спокойствіе не было возмущаемо, духовенство было счастливо, въ возможной для него степени. Въ 1836 году, послѣ незабвеннаго преосвященнаго Михаила, изъ Вятки перемѣщенъ на Оренбургскую паству преосвященный Іоанникій, съ удержаніемъ перваго достоинства: онъ прибылъ, окруженный родственниками и приближенными къ нему; затѣмъ послѣдовали изъ Вятки и женщины. Настало время преобразованія. Это преобразованіе открылось смѣною экономa архіерейскаго дома. Настало время безпорядковъ. Первое воровство учинено въ архіерейскомъ домѣ, за открытіе будто бы котораго прежній экономъ архіерейскаго дома удаленъ отъ должности и отъ присутствованія въ Консисторіи и на мѣсто его опредѣленъ привезенный іеромонахъ Виталій, человѣкъ нрава самовластнаго и дурного. Вскорѣ затѣмъ похищена церковная сумма изъ Крестовой домовой архіерейской церкви. Похищеніе сдѣлано изъ внутреннихъ покоевъ его преосвященства, какъ полагаютъ съ вѣроятностью, однимъ изъ его племянниковъ. Дѣло объ этомъ похищеніи производилось въ Уѣздномъ Судѣ. Это дѣло истребовано было преосвященнымъ изъ Уѣзднаго Суда. Оно сдано было въ Консисторію съ предложеніемъ, чтобъ быть ему прекращеннымъ, дабы избавить архіерейскій домъ отъ поношенія; но смыслъ этого предложенія,

Библиотека ОРН

какъ несоотвѣтствующаго закону, по моему настоянію, былъ измѣненъ. Прежніе преосвященные, соблюдая предписанія правительства о непроизводствѣ неполучившихъ полнаго образованія въ священники, доставили преосвященному Іоанникію поводъ почти въ одинъ разъ произвести, большею частію совершенно безграмотныхъ и безнравственныхъ, до 90 человѣкъ. Все это сдѣлано по видамъ весьма неодобрительнымъ, хотя истолкованнымъ и въ хорошую сторону. Бывшій секретарь Маминъ, получавшій въ годъ 300 рубл., которые были достаточны только на одинъ проѣздъ его въ Консисторію, видя, что всѣ выгоды, правда незаконныя, были сосредоточены въ архіерейскомъ домѣ, рѣшился возстать противу несправедливостей архіерейскаго дома. Изъ этого противостанія произошло раздѣленіе членовъ Консисторіи: одни, подвергшись вліянію власти архіерейской, были на сторонѣ архіерея, другіе приняли сторону Мамина. Секретарь Маминъ самовластно былъ удаленъ отъ должности и со всѣми державшими его сторону. Дѣла были приведены въ ужасный хаосъ. Въ это-то время преосвященный Іоанникій убѣдилъ меня принять званіе члена Консисторіи. Я трудился одинъ за всѣхъ тѣхъ, которымъ должно было трудиться, трудился неусыпно. Пользуясь крайнимъ моимъ разумѣніемъ, привелъ я дѣла въ возможный порядокъ съ чиновниками канцеляріи, которые, поступивъ на мѣсто опытныхъ, своею неопытностію труды мои иногда дѣлали невыносимыми. Къ моему несчастію, померъ ключарь, протоіерей Лепоринскій; къ исполненію обязанностей его я былъ снова призванъ съ тѣмъ пожертвованіемъ, котораго отъ меня требовали: я долженъ былъ отказаться отъ службы по Семинаріи и отъ всѣхъ ея выгодъ. Ябеда, что мы съ покойникомъ-тестемъ, заслуженнѣйшимъ протоіереемъ, засѣдая въ Консисторіи, имѣли будто бы вредное вліяніе на дѣла частныхъ просителей, была основаніемъ предложенія преосвященному Іоанникію, чтобы онъ того изъ насъ, коего находилъ полезнѣе для службы, оставилъ членомъ, а другого удалилъ отъ присутствованія. Я за мою дѣятельность, не смотря на опытность старца, предпочтенъ былъ старцу и все продолжалъ служить одинъ за всѣхъ“.

„Мой тесть, отецъ и покровитель меня и моего семейства, удрученный оскорбленіями тяжкими по службѣ, померъ; и я изъ ключаря низведенъ былъ на степень каѳедральнаго протоіерея. Это выраженіе, графъ, удивляетъ, можетъ быть, потому что вы не знаете самовластія Іоанникія, по которому онъ уважаетъ только облеченныхъ его довѣренностію, по которому онъ уничтожаетъ всякое значеніе подвластныхъ ему властей, по которому онъ на всѣхъ имѣетъ взглядъ какой-то царственный, смотритъ на бѣлое духовенство, какъ на рабовъ, презираетъ его болѣе, нежели рабовъ; отрекшись отъ міра, не щадитъ міра, владѣетъ міромъ деспотически. Давши обѣтъ смиренія предъ Богомъ, унижаетъ другихъ до послѣдней степени. Безпорядки, связанные съ особою его преосвященства Іоанникія, начали развиваться: за отрѣшеніемъ отъ должности добросовѣстнаго расходчика, за увольненіемъ сторожей честныхъ, приказнослужителей, знающихъ свою обязанность, вы-

крадены были суммы изъ кладовой Консисторіи; это первое воровство. Я сдѣлалъ постановленіе, съ согласія другихъ присутствующихъ, чтобы всѣ суммы для храненія отсылаемы были въ казначейство: объ этомъ было представлено Св. Синоду, но Іоанникій по какимъ-то видамъ попечительскія суммы допустилъ перенести для храненія въ соборъ. Я, опасаясь за безопасность перенесенныхъ суммъ, сдѣлалъ докладъ его преосвященству съ перенесеніемъ тѣхъ ругательствъ, къ которымъ онъ такъ обыченъ, о дурномъ поведеніи сторожа Фалезова, но на этомъ докладѣ, къ моему удивленію, послѣдовала резолюція таковая: если Фалезовъ не можетъ быть сторожемъ, то опредѣлить его звонаремъ. Послѣ сего суммы, перенесенныя въ соборъ, были украдены; это второе воровство. Его любимецъ, покойный Лелявскій, оставленный имъ противу указа Св. Синода, привезъ мнѣ въ мое отсутствіе чугунныя плиты, снятыя съ крылецъ собора и найденныя въ архіерейской конюшнѣ, какъ онъ послѣ мнѣ объяснилъ; это третье воровство. По настоянію преосвященнаго Іоанникія, сдѣлано было распоряженіе объ образованіи особеннаго счетнаго стола и назначеніи, сверхъ расходчика, казначея, Спасскаго протоіерея Несмѣлова: у этихъ двухъ нянекъ дитя осталось безъ глаза: оказалось недочета 4700 рубл.; это четвертое воровство. Я настоялъ, чтобы суммы соборныя хранились въ казначействѣ. Ключарь, нисколько не уважая меня и получая приказанія непосредственно отъ преосвященнаго, хранилъ суммы въ соборѣ, и эти деньги были похищены; это пятое воровство. Преосвященный Іоанникій, желая совершенно уничтожить меня и управлять соборомъ чрезъ ключаря непосредственно, приказалъ мнѣ устроенныя чугунныя печи съ трубами отмѣнить и устроить другія къ измѣненію плана на соборъ, высочайше утвержденнаго, и отъ такого благоустройства въ день восшествія Государя Императора на престолъ многихъ изъ собора выносили замертво отъ угара. Соборъ совершенно оставленъ всѣми и по вышеписанному, и по тому, что назначенный катихизаторъ въ своихъ поученіяхъ часто дозволяетъ себѣ оскорбительныя выходки; оставленъ потому, что племянникъ Іоанникія, Образцовъ, опредѣленный священникомъ къ собору, нерѣдко служитъ литургію пьяный; оставленъ потому, что преосвященный Іоанникій по какимъ-то своимъ видамъ рѣдко служитъ въ соборѣ; оставленъ потому, что въ немъ нѣтъ главнаго украшенія, нѣтъ преосвященнаго, который паству свою чему бы нибудь училъ; оставленъ потому, что я совершенно имъ уничтоженъ. Почтеннѣйшій графъ! Есть ли тѣло безъ головы? Бѣлое духовенство, хотя худую и слабую, но должно имѣть голову. Есть ли справедливость тамъ, гдѣ уважаются не заслуги, не порода, а форма одежды, гдѣ мантія изъ раба дѣлаетъ господина, гдѣ ряса и съ достоинствами человѣка низводитъ на степень раба? Ректоръ Никодимъ былъ рѣзанъ послушниками его воли, приготовленными къ монашеству, людьми безнравственными, людьми, которые приводили къ нему женщинъ въ мужской одеждѣ *). Объ

*) Вотъ какъ записано это происшествіе въ синодальномъ протоколѣ 1840 г. 23-го Декабря: „7-го Декабря 1840 г., въ три четверти 7-го часа пополудни, вбѣжалъ въ комнаты экономa Семинаріи, профессора Ипполита Подбѣльскаго, ректоръ семинаріи, архи-

этомъ я, уважая подчиненность, доводилъ до свѣдѣнія преосвященнаго Іоанникія. Подвижнику Никодиму Іоанникій исходатайствовалъ Анну 2-й степени и достоинство, присвоенное архимандриту второкласснаго монастыря. Теперь, графъ, взгляните на управленіе Оренбургской Семинаріи монахами. Тутъ вы увидите чистое іезуитство, увидите искаженіе правильной методы; увидите, что они не руководствуютъ къ той цѣли, къ которой дѣти предназначены".

Говоря затѣмъ о другихъ весьма некрасивыхъ поступкахъ преосвященнаго, о. протоіерей заключаетъ свое письмо, что онъ новообращенныхъ старообрядцевъ „ожесточилъ до того, что они совершенно оставили церковь, противъ высочайшей воли, ихъ духовенство подчинилъ Уральскому единовѣрческому благочинному Корчагину, по своимъ частнымъ видамъ. Разъѣздами своими по епархіи преосвященный Іоанникій заслужилъ невыгодное имя даже между иновѣрцами, Татарами и другими, возстановилъ противъ себя

мандритъ Никодимъ, весь въ крови, сильно раненый въ горло ножомъ и еще внятнымъ, но слабымъ голосомъ проговорилъ ему, эконому, слѣдующія слова: „меня зарѣзали, меня зарѣзалъ Елпидифорка" (жившій у ректора дворовый человѣкъ г-жи Степановой). Это случилось во время отправляемаго въ семинарской залѣ всенощнаго бдѣнія, когда всѣ ученики Семинаріи, а въ числѣ ихъ живущій у ректора ученикъ, его племянникъ, находились у богослуженія. Когда экономомъ немедленно было оглашено сіе происшествіе въ семинарскомъ корпусѣ, то тотъ же ректоръ, подтвердивъ прежде сказанное эконому, присовокупилъ, что въ преступленіи съ Елпидифоркою участвовалъ Уфимскій мѣщанинъ Аполлонъ Алексѣевъ (прежде тоже у него, ректора, жившій). О каковомъ несчастномъ случаѣ немедленно дано было знать градской полиціи, а для оказанія медицинской помощи приглашенъ былъ врачъ. Виновники вышеозначеннаго преступленія успѣли между тѣмъ скрыться; но мѣрами семинарскаго правленія одинъ изъ нихъ, именно Елпидифорка, былъ пойманъ, и въ присутствіи какъ семинарскихъ чиновниковъ, такъ и прибывшихъ въ Семинарію гг. гражданскаго губернатора и полицмейстера, представленъ былъ ректору, который и обозналъ въ немъ, Елпидифоркѣ, виновника своей раны, полученной отъ него въ горло. Онъ, Елпидифорка, обозначенный самимъ ректоромъ и, сверхъ того, уличенный въ учиненіи преступленія кровавыми знаками на рукахъ и полушубкѣ, по приказанію самого гражданскаго губернатора, чрезъ полицейскихъ служителей, отправленъ въ полицію". Къ этому семинарское правленіе въ журналѣ своемъ, состоявшемся по сему случаю на другой день, т. е. 8-го Декабря, присовокупило слѣдующее: „1) въ продолженіи ночи съ 7-го на 8-е число ректоръ, въ поясненіе дѣла, объявилъ находившимся при немъ безотлучно ученикамъ, что вышеупомянутые покусители на его жизнь, пришедши къ нему, сначала просили у него взаймы денегъ, но внезапно покушались накинуть на шею его веревочную петлю, которая, впрочемъ оказалась мала; затѣмъ начали давить его кушакомъ, и одинъ изъ нихъ, схвативъ лежавшій на столѣ перочинный ножъ, симъ послѣднимъ наносилъ ему удары въ горло, а другой, именно Аполлонъ Алексѣевъ, схватилъ ректора за языкъ, силясь вытянуть оный; но ректоръ, стиснувъ его руку въ зубахъ, весьма сильно укусилъ ему палецъ. Послѣ сего ректоръ, обезпамятѣвъ, упалъ въ крови на полъ. Злодѣи, почитая его мертвымъ, кинулись одинъ за огнемъ (поелику свѣча въ обоюдной борьбѣ была загашена), а другой къ комоду, гдѣ хранились деньги. Ректоръ, въ это время опамятовавшись нѣсколько и пользуясь темнотою, собравъ силы, вышелъ изъ комнаты въ другія двери, на коридоръ, и вбѣжалъ въ комнаты эконома, какъ выше упомянуто" (см. въ арх. Св. Синода протоколъ 23-го Декабря. 1840 года).

всѣ причты, довелъ себя до такого униженія, что нѣкоторые изъ священниковъ называли его въ глаза и грабителемъ, и человѣкомъ безнравственнымъ и о подобныхъ оскорбленіяхъ лицу своему доселѣ молчитъ. Подобныя оскорбленія или сцены самыя грубыя происходили у него и со священникомъ Алфеевымъ, нынѣ умершимъ священникомъ Евлампіевымъ и другими. Къ сокрытію всѣхъ этихъ сценъ преосвященный Іоанникій имѣлъ свои причины. Жена пьянаго его племянника, любимая Іоанникіемъ, дозволяетъ себѣ вмѣшиваться въ управленіе епархіею: она, лишенная всякаго образованія, на площадяхъ разсказываетъ, кто ея дядею назначенъ къ повышенію или пониженію. Левковскій, священникъ села Березовки, родственникъ Іоанникію, женатый по избранію Іоанникія на дочери богатаго священника, чувствуя себя отравленнымъ, писалъ къ родному племяннику Іоанникія, Василію Образцову, не одно письмо, съ присовокупленіемъ ходатайства о различныхъ лицахъ у преосвященнаго Іоанникія, о доставленіи ему помощи противъ отравы. Преосвященный Іоанникій своему племяннику объ этихъ письмахъ велѣлъ умолчать по своимъ же видамъ. Преосвященный Іоанникій ссоритъ членовъ Консисторіи для ихъ обезсиленія; входитъ въ дружескія и довѣренныя совѣщенія съ приказнослужителями, каковою его фамильярностью приказнослужители доведены до дерзскаго неповиновенія. Имъ все низведено на степень какой-то вульгарности: пѣніе дурно, соборная ризница истощена, сослужащіе съ нимъ по засаленнымъ облаченіямъ похожи болѣе на блинниковъ, чѣмъ на священниковъ; Іоанникій сумму на заведеніе соборной ризницы и на поправку старой удерживаетъ у себя или въ своемъ архіерейскомъ домѣ. У насъ все продажно: мы продаемъ антиминсы по 15 рублей, что̀ съ понятіями о производствѣ на высшія духовныя степени производитъ совершенный соблазнъ въ народѣ. Мы со всѣми ссоримся, преосвященный Іоанникій это дѣлаетъ по охотѣ, а прочіе поневолѣ, поелику и пишемся нижайшими послушниками его преосвященства и рекомендуемся способными къ послушанію, въ тонѣ монашескаго безусловнаго повиновенія высшимъ. И такъ, графъ, чѣмъ мы виноваты, что грѣшимъ своимъ повиновеніемъ облеченному властію, почти неприкосновенною, грѣшащему такъ, что въ этомъ подвигѣ съ нимъ никто и сравниться не можетъ“ *).

Доносъ протоіерея Субботина однако Св. Синодомъ признанъ голословнымъ, ибо въ доносѣ его помѣщены многія изъ такихъ обстоятельствъ, которыя относятся къ давнему времени, были въ виду Синода и обсуждены окончательно, и которыхъ посему повторять не было никакой надобности. Посему Св. Синодъ и постановилъ перевести протоіерея Субботина въ Вятскую епархію на священническое мѣсто по усмотрѣнію преосвященнаго.

Преосвященный Іоанникій, оказавшійся неспособнымъ и вреднымъ на Оренбургской каѳедрѣ, былъ наказанъ перемѣщеніемъ изъ Уфы въ Ставрополь.

---

*) Сборникъ Имп. Истор. Общ. II, 412.

30-го Октября 1857 года онъ былъ уволенъ на покой въ Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Въ послѣдніе годы онъ плохо видѣлъ и почти не выходилъ изъ келіи, скончался на 87 году жизни, 18-го Апрѣля 1880 г. Тѣло усопшаго положено въ Срѣтенскомъ придѣлѣ соборнаго храма рядомъ съ могилою Греческаго епископа Михаила, почивающаго нетлѣннымъ съ 1721 года.

Въ изслѣдованіи г. Чернавскаго любопытна исторія основанія Златоустовскаго единовѣрческаго монастыря въ 1849 году. „Основателемъ монастыря явился игуменъ Іоаннъ, бывшій раскольническій начетчикъ, по происхожденію крестьянинъ с. Ярославки, Уфим. губ., въ мірѣ Василій Ѳеодоровичъ Гордѣевъ (род. въ Апр. 1801 г). По семейному преданію, родитель его Ѳеодоръ Ильичъ Гордѣевъ былъ православный, но вѣроятно изъ среды старообрядцевъ (въ точномъ смыслѣ слова), не отлучавшихся, при держаніи старыхъ обрядовъ, отъ церкви. 14 лѣтъ Василія женили на дѣвицѣ Акулинѣ Евфимовнѣ Верзаковой (род. въ 1797—98 г.), раскольницѣ бѣглопоповскаго упованія, родомъ изъ села Суксунъ, Перм. губ., расположеннаго въ 4 вер. отъ соименнаго завода; но свадьба была, кажется, въ селѣ Ярославкѣ

Любопытно, какъ Василій Гордѣевъ обучился грамотности. Однажды, когда онъ былъ уже женатъ, пришлось ему возвращаться съ пашни, ѣдучи верхомъ на лошади, съ которой онъ дорогой упалъ и сломалъ себѣ ногу. Для лѣченія его перевезли въ село Тастубу, гдѣ жила его теща съ братомъ; оба они были грамотные. Василію Гордѣеву захотѣлось тоже поучиться, быть можетъ, сначала просто для развлеченія себя, и онъ, лежа въ постели, сталъ учиться чтенію. Отецъ его, Ѳеодоръ Ильичъ Гордѣевъ, бывшій однимъ изъ основателей села Ярославки, противился тому. Но видно наука понравилась Василію Ѳеодоровичу, такъ что онъ прибѣгъ къ хитрости. Выздоровѣвши, онъ принялъ на себя видъ сумасшедшаго и остался у тещи, скрываясь для занятій подъ поломъ, здѣсь онъ учился по складамъ Славянскому чтенію, а выходя бѣгалъ по избѣ и ловилъ мухъ. И только, когда изъ подполья вышелъ грамотнымъ, онъ сбросилъ съ себя маску. Супруга же его была и осталась безграмотною.

Вскорѣ послѣ того ему предстояло отбывать воинскую повинность, но отецъ его нанялъ вмѣсто него наемщика, что было возможно прежде. Избавившись отъ военной службы, Василій Ѳедоровичъ отправился въ гор. Верхотурье, Пермской губерніи, на поклоненіе мощамъ св. праведнаго Симеона, Верхотурскаго Чудотворца, какой благочестивый обычай доселѣ въ широкомъ распространеніи у жителей всего Пріуралья, включая и Челябинскій край. На обратномъ пути ему встрѣтился одинъ юродивый, который, припрыгивая около него, кричалъ ему вслѣдъ: „Эхъ, Васька, Васька! продалъ ты царствіе небесное“. Это такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ, придя домой, сталъ задумываться надъ значеніемъ словъ юродиваго. Ему казалось, что слова послѣдняго относились къ тому, что онъ уклонился отъ воинской повинности, замѣнившись наемщикомъ, а не самъ поступилъ на

военную службу. Для успокоенія онъ обратился къ чтенію, заинтересовавшись раскольническими „цвѣтниками, что и привело его къ окончательному переходу въ расколъ бѣглопоповства, въ которомъ онъ, по преданію, блуждалъ около десять лѣтъ.

Продолжая читать священныя книги и особенно увлекаясь житіями святыхъ, Василій Ѳедоровичъ пришелъ далѣе къ мысли взять на себя подвигъ подражанія тѣмъ угодникамъ, которые „при временной жизни, любви ради Божіей оставляли супружеское сожитіе и вели жизнь уединенную, иноческую". Къ этому же онъ склонилъ свою супругу, и они по взаимному соглашенію рѣшили оставить мірскую и супружескую связь для подвиговъ иночества. Въ этихъ мысляхъ они, взявъ съ собою сына Николая и дочь Мавру, отправились въ Иргизъ, Саратовской губерніи, въ знаменитые раскольническіе монастыри. Здѣсь Василій Ѳеодоровичъ принялъ постригъ съ именемъ Власія, а жена его Акилина съ именемъ Александры. Но на Иргизѣ они пробыли недолго и въ концѣ 1833 года снова воротились на родину, гдѣ основали въ 1834 году два по близости другъ ко другу раскольническихъ скита, мужской и женскій, на пріобрѣтенной землѣ въ Дуванейской волости по рѣкѣ Юрезенѣ.

Между тѣмъ, дальнѣйшее чтеніе книгъ вселило въ инокѣ Власіи убѣжденіе, что подвижники Христовы не удалялись отъ церкви Христовой и что истинная церковь съ священствомъ и таинствами будетъ существовать вѣчно, а это привело его къ убѣжденію въ истинности православія. Въ 1838 г. Власій прибылъ въ Екатеринбургъ къ преосвященному Евлампію Екатеринбургскому, первому викарію Пермской епархіи (1834—1840 г.), пользовавшемуся широкой извѣстностью за предѣлами своей епархіи, заявивъ ему о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви на правахъ единовѣрія, что и было надъ нимъ совершено тогда же. Онъ возвратился на родину и поселился недалеко отъ общины своей жены; ее онъ также постарался привести къ единовѣрію вмѣстѣ съ ея сожительницами.

Затѣмъ, инокъ Власій явился въ Уфу и предложилъ здѣсь учредить въ епархіи единовѣрческій монастырь. Мысль его, впрочемъ, не встрѣтила большого сочувствія у епархіальнаго начальства въ виду казавшейся неосуществимости ея. Въ тоже время обо всемъ этомъ отъ лица преосвященнаго Іоанникія донесено было въ Св. Сунодъ, откуда указомъ 30 Ноября 1838 года предложено чрезъ благонадежное лицо кроткимъ убѣжденіемъ изъяснить иноку Власію и его супругѣ неправильность ихъ положенія отъ близкой совмѣстной жизни, и затѣмъ вновь донести о томъ; какимъ образомъ привести сіе дѣло въ законный порядокъ съ истинной пользою желающимъ спасенія душъ?

На новое донесеніе преосвященнаго Іоанникія указомъ Св. Сунода 17 Мая 1840 года предписано было, подтвердивъ постриженіе инока Гордѣева и жены его благословеніемъ архіерейскимъ, причислить ихъ къ существующимъ единовѣрческимъ монастырямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить Гордѣеву быть въ устроенномъ имъ скитѣ, подъ надзоромъ епархіальнаго начальства,

допустивъ сіе въ видѣ временной мѣры и предоставивъ ему отыскивать способы къ устроенію тамъ единовѣрческаго монастыря. Относительно же женскаго скита повелѣно было, чтобы ему при семъ мужскомъ скитѣ не быть, поелику сіе противно церковнымъ правиламъ. Еще раньше, въ Апрѣлѣ 1840 г., Оренбургская Палата Госуд. Имуществъ дала разрѣшеніе на увольненіе Василія и сына его Николая Гордѣевыхъ изъ податного состоянія для поступленія „въ единовѣрческое монашество“, согласно чему Консисторія въ указѣ 20 Іюня того года объявила имъ о принадлежности къ духовному званію, съ правомъ временнаго проживанія въ единовѣрческомъ скитѣ близъ р. Юрезени. При подтвержденіи пострига Василій Гордѣевъ принялъ имя Іоанна. Затѣмъ, продолжая хлопоты объ устройствѣ единовѣрческаго монастыря, онъ даже ѣздилъ въ 1840 г. съ сыномъ Николаемъ въ Петербургъ, лично подавалъ прошеніе на высочайшее имя, написанное собственноручно полууставомъ, какъ онъ всегда писалъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: изъ Кусинскихъ казенныхъ дачъ велѣно было отвести 110 десятинъ земли для устройства монастыря, въ 42 верст. отъ Кусинскаго завода и въ 7 верст. отъ дер. Айлиной (теперь село на большомъ трактѣ изъ Златоуста въ Уфу). Въ 1849 г. 26 Февраля послѣдовало и высочайшее соизволеніе на устройство здѣсь монастыря, съ перенесеніемъ скита съ рѣки Юрезени. Іоаннъ былъ опредѣленъ игуменомъ сего монастыря, съ посвященіемъ въ санъ іеромонаха. Когда монастырь былъ основанъ, игуменъ Іоаннъ отправился по роднымъ городамъ для сбора пожертвованій, а его сынъ Николай остался вмѣсто него строителемъ. Самъ онъ и братія рубили лѣсъ, строили келіи и церковь; тѣ и другія устроены были на горѣ въ густомъ сосновомъ лѣсу. Келія настоятеля состояла изъ прихожей и гостиной (5×5 арш.); впослѣдствіи большая часть первоначальныхъ построекъ и самая церковь сгорѣли..

Въ 1864 году игуменъ Іоаннъ отправился въ Сибирь, проѣздомъ посѣтивъ своего сына Николая, священствовавшаго въ то время въ Сладкокарасинскомъ селѣ. Мыслью его было основать новый единовѣрческій миссіонерскій монастырь, съ каковою цѣлью онъ исхлопоталъ отъ правительства за Байкаломъ отводъ земли въ количествѣ 49 квадр. верстъ. Въ Сибири онъ оставилъ вмѣсто себя для сбора пожертвованій іеромонаха Михаила и послушника Іосифа, которые и водворились тамъ, а самъ чрезъ годъ вернулся снова въ Воскресенскій монастырь, намѣреваясь взять съ собою половину братіи монастыря и вмѣстѣ съ ними отправиться въ Сибирь. Но въ 1866 г. 21 Іюня, послѣ восьмидневной болѣзни, напутствованный и пособорованный, игуменъ Іоаннъ въ Бозѣ почилъ. будучи похороненъ близъ алтаря. Слухи ходили, что смерти его поспособствовалъ кто-то изъ монашествующихъ, не хотѣвшихъ слѣдовать за нимъ въ Сибирь.

Игуменъ Іоаннъ былъ человѣкомъ твердаго характера и воспитанъ съ дѣтства въ строгихъ христіанскихъ привычкахъ. Онъ отъ роду не пилъ ни чаю, ни вина, и строгость въ этомъ отношеніи переносилъ и на своихъ под-

чиненныхъ монаховъ. Слѣдующіе разсказы его внука, о. Алексѣя Гордѣева, также весьма выпукло рисуютъ эту замѣчательную личность.

Въ Августѣ 1854 г. Іоаннъ пріѣхалъ крестить своего внука (о Александра, тогда младенца) въ с. Сикіазъ, Уфимской губ., и заявилъ своему сыну, свящ. Николаю Гордѣеву, что желаетъ назавтра служить литургію. Положивши начало предъ вечерней, онъ сказалъ моему отцу: „Я буду служить, а ты становись на поклоны". Тотъ безпрекословно повиновался и, пока служилась продолжительная вечерня, клалъ поклоны въ виду своихъ прихожанъ. Только по окончаніи вечерни онъ осмѣлился спросить: „За что, батюшка?"— „Не води дружбы со становымъ", былъ отвѣтъ дѣдушки. Становой же Николай Андреевичъ Пыхтѣевъ, приглашенный въ воспріемники, на утро всю продолжительную монастырскую службу принужденъ былъ выстоять. Возвращаясь изъ поѣздки въ Петербургъ домой чрезъ Москву, игуменъ Іоаннъ предъ освященіемъ храма въ монастырѣ былъ у приснопамятнаго митрополита Филарета. Тотъ принялъ его и хотѣлъ угостить чаемъ; когда же дѣдъ отказался, сказавъ, что чаю онъ отъ роду не пивалъ, владыка вылилъ чай, а стаканъ отдалъ дѣду пить изъ него медъ. Въ заключеніе бесѣды митрополитъ сказалъ: „Отецъ Іоаннъ, къ знаменательному дню я пришлю тебѣ знаменательный подарокъ". И на самомъ дѣлѣ предъ освященіемъ игуменомъ Іоанномъ монастырской церкви было получено строителемъ и казначеемъ монастыря съ почты въ Златоустѣ напрестольное Евангеліе, посланное митрополитомъ Филаретомъ и уцѣлѣвшее доселѣ.

*

Не менѣе любопытный эпизодъ приведенъ г. Чернавскимъ изъ времени кратковременнаго святительства епископа Антонія Радонежскаго, только 9 мѣсяцевъ бывшаго на Оренбургской каѳедрѣ*). „Преосвященный Антоній привезъ съ собой въ городъ Уфу параличную старицу Агриппину, съ которой онъ близко былъ знакомъ еще въ Казани, въ бытность іеромонахомъ, профессоромъ Духовной Академіи (1844—1851 г.), когда онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ обществомъ людей моднаго тогда мистико-сектантскаго направленія. Среди такихъ лицъ „болящая Агриппина", проживавшая въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, по словамъ проф. П. В. Знаменскаго, пользовалась мистическимъ обожаніемъ наподобіе того, какое воздается хлыстовскимъ богородицамъ. Преосвященный Антоній также исполненъ былъ къ ней особеннаго благоговѣнія и, уѣзжая изъ Казани, взялъ ее съ собой. Въ Уфѣ болящая Агриппина поселилась въ Уфимскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и, пользуясь расположеніемъ владыки, стала вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, открывъ въ немъ разныя нестроенія, въ родѣ того, что якобы игумена Филарета изъ монастыря выдала замужъ свою племянницу, при этомъ женихъ свободно ходилъ къ невѣстѣ въ монастырь, гдѣ далеко за

*) Съ 15 Іюня 1858 г. по 21 Марта 1859 г.

полночь происходили по случаю свадьбы пиршества съ музыкою, и иногда даже женихъ оставался ночевать въ монастырѣ; далѣе, что братъ игумени жилъ близъ монастыря и пользовался многимъ... Преосвященный Антоній отстранилъ отъ должности игуменію Филарету и казначею, донеся объ этомъ въ Св. Синодъ. Тогда 50 монахинь, недовольныя тѣмъ, что преосвящ. Антоній посылалъ къ нимъ священника допросить ихъ подъ присягой (тогда какъ онѣ должны давать показанія по монашеской совѣсти) и вынуждалъ къ обвиненію игумени, подали на владыку жалобу въ Синодъ, а игумения въ свою очередь жаловалась митрополиту Филарету: Антоній тоже писалъ ему въ оправданіе своихъ распоряженій. Синодъ для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ назначилъ въ Ноябрѣ 1858 года ревизію изъ ректора Тульской Семинаріи, архимандрита Никандра (Покровскаго, впослѣдствіи архіепископа Тульскаго) и старшаго помощника секретаря Св. Синода А. Д. Кавелина, написавшаго по разслѣдованіи письмо оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому. 16 Февр. 1859 года, митрополитъ Филаретъ, которому графъ представилъ списокъ съ означеннаго письма Кавелина, отвѣчалъ, между прочимъ, по этому поводу: „Еще прежде печальнымъ образомъ удивило меня то, что преосвященный Оренбургскій въ важное церковное дѣло вмѣшалъ свою личность, жалуясь, что комиссія отнимаетъ у него благоуханіе и свѣжесть его святительства (рапортъ 9 Января), случай же къ сей жалобѣ взявъ отъ встрѣчи комиссіи съ эсауломъ (Акутинымъ) въ гостиной. Но какая нужда была призвать комиссію въ гостиную вмѣстѣ съ эсауломъ? И архимандритъ и г. Кавелинъ, вѣрно, не говорили въ гостиной, что они—комиссія. Продолженіе такихъ же странностей открывается изъ письма г. Кавелина. Если не ошибаюсь, преосвященному Оренбургскому данъ изъ Петербурга важный совѣтъ... Когда есть отъ высшаго начальства комиссія, разсматривающая дѣла монастыря, тогда благоразуміе, справедливость и приличіе требовали того, чтобы преосвященный ожидалъ, что̀ сдѣлаетъ комиссія, а не того, чтобы онъ вновь началъ тринадцать дѣлъ. Въ монастырѣ, имѣющемъ 150 сестеръ, какъ не нашелъ преосвященный монахини для должности начальницы, а назначилъ рясофорную послушницу? Если она и подлинно способна: болѣе въ порядкѣ было бы назначить монахиню, временно управляющую, а ту представить Св. Синоду къ постриженію, и такимъ образомъ приготовить къ начальствованію. Св. Синодъ довольно смотрѣлъ на дѣйствія преосвященнаго Оренбургскаго свѣтлымъ взоромъ благоволенія: не время ли посмотрѣть свѣтлымъ окомъ осторожности? Говорю сіе не противъ преосвященнаго, но противъ соблазна и вреда. Сколько виновна игумения, то можетъ знать комиссія. При проѣздахъ ея черезъ Москву можно было примѣчать, что ея странствованія въ Петербургъ, полезныя для монастыря, были не безъ ущерба для ея монашеской простоты и смиренія. Конечно было бы менѣе соблазна и трудностей для нея самой, если бы она терпѣливо подчинилась рѣшенію преосвященнаго объ удаленіи ея отъ настоятельства, и къ тому же побудила приверженныхъ къ ней сестеръ и не допустила протеста, имѣющаго видъ непослушности. Но благовременно ли было удалить ее, когда о ней продолжаются дѣла, и слѣд-

ственно могутъ быть нужны ея отвѣты? Слѣдовало бы пожалѣть о испытаніи преосвященнаго комиссіею, но какое превращеніе положеній, когда надобно пожалѣть о невинной комиссіи, переносящей, вѣроятно, отъ преосвященнаго „испытаніе, съ болѣзнію сердца“? Все здѣсь сказанное написалъ я неохотно, но думаю, что небезполезно, чтобы сіе воззрѣніе представилось вашему разсмотрѣнію“.

Указомъ Св. Синода еще отъ 14 Января 1859 г., игуменія Филарета была опредѣлена для проживанія въ одинъ изъ Новгородскихъ монастырей, какъ равно удалена и Агриппина...

Г. Чернавскій готовитъ къ печати и третій томъ своего изслѣдованія; содержаніе этого тома составятъ епископы Оренбургскіе и Уральскіе съ 1859 года. Надѣемся, что и окончаніе его почтеннаго труда будетъ также любопытно, тѣмъ болѣе, что въ немъ должна помѣститься обстоятельная біографія епископа Антонія Радонежскаго, уволеннаго, какъ выше сказано, въ 1866 г. на покой въ Тамбовскій Трегуляевъ монастырь, переведеннаго потомъ въ Синаксарскую Темниковскую пустынь и скончавшагося уже въ Смоленскомъ архіерейскомъ домѣ въ 1872 г., куда онъ былъ такъ же переведенъ въ 1870 г.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій Февраля 21-го 1904.

